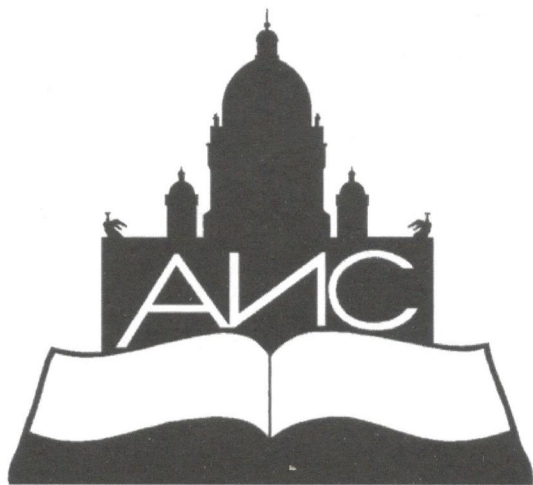

АССОЦИАЦИЯ ИСКУССТВОВЕДОВ (АИС)
ТВОРЧЕСКИЙ СОЮЗ ИСТОРИКОВ ИСКУССТВА
И ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КРИТИКОВ РОССИИ

**ПЕТЕРБУРГСКИЕ
ИСКУССТВОВЕДЧЕСКИЕ
ТЕТРАДИ**

ВЫПУСК 49

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2018

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ИНОСТРАНЦЕВ О БАЛАХ В ПЕТЕРБУРГЕ

Санкт-Петербург — столица Империи — был и столицей ее светской жизни. Приемы, рауты, балы, выезды в театры как отдельные кусочки составляли громадную мозаику жизни аристократического Петербурга. Мозаику роскошную, богатую и великолепную. Но, с другой стороны, бывшую для всех представителей высшего света рутиной, привычным ходом жизни. И поэтому (что неудивительно!) в документах, оставленных самими участниками этих празднеств, мы не найдем многих важных подробностей, необходимых, чтобы полноценно восстановить светскую жизнь прошлого. Так, официальные документы по подготовке балов в Зимнем дворце дадут нам полный список приглашенных, меню обеда, но ничего не скажут об атмосфере на балу, порядке танцев, настроении танцующих. Танцевальные учебники опишут, как правильно танцевать, но не зафиксируют реальной танцевальной практики того времени.

Большую роль в восстановлении целостной картины прошлого, несомненно, играют письма и мемуары, доносящие до нас многочисленные подробности, восприятие балов их участниками. На особом положении здесь всегда будут стоять путевые заметки иностранцев: смотря на русский быт вообще и на бал в частности со стороны, гости нашего города, сами того не замечая, подчас отмечали такие вещи, которые ускользали от пера наших соотечественников, считавших эти мелочи само собой разумеющимися, и не обращавших на них особого внимания.

Описания балов и танцевальных мероприятий в исполнении иностранцев встречаются на протяжении всей истории Санкт-Петербурга. Первый (и наиболее известный) пример — это материалы из подробнейших дневников Берхгольца. Фридрих-Вильгельм фон Берхгольц — камерюнкер из свиты герцога Карла-Фридриха Голштинского, сопровождавший герцога в его путешествии-сватовстве к дочери Петра Первого цесаревне Анне. Герцог поручил Берхгольцу вести хроники своего пребывания в России. Юноша отличался наблюдательностью и оказался идеальным протоколистом. Во всех мелочах он описывал места, где бывал, одежду и манеры встречавшихся ему людей, убранство домов, подаваемые яства. Записи велись в форме дневника и отличались такой живостью, что слава о них распространилась довольно широко. Не мог автор обойти своим вниманием и ассамблеи, составлявшие важную часть придворного быта своего времени. Ассамблеи были учреждены Петром I после поездки в Западную Европу в 1710-х гг., и активно насаждался монархом. Берхгольц упоминает и правила ассамблей, предписывавшие приготовить комнаты для собрания и находиться среди гостей, а не встречать каждого пришед-

шего, и обстановку — игры в шахматы, разговоры, прибытие на ассамблеи императорской четы, и гостей (и их наряды), и, конечно же, танцы. В отличие от нашего современного восприятия, при прочтении дневником становится понятно, что танцы не составляли основного занятия на ассамблеях, и под них освобождалось место, если кто-то собирался танцевать. Иногда подобных желающих бывало всего несколько человек. И именно дневники камерюнкера позволяют нам восстановить репертуар ассамблей — большое количество польских танцев (что было не характерно для Европы того времени), англезы, менуэты, игровые танцы¹. Мы видим, что в традиции ранних русских балов сплелись три основные формирующие силы: западные образцы (принесшие менуэты, англезы и правила их исполнения), местные привычки (степенные польские танцы были известны еще при дворе Алексея Михайловича), личная инициатива царя (активно поддерживавшего игровые танцы — цепочечный и арлекинский).

К сожалению, в дальнейшем иностранные путешественники не оставляли настолько подробных отчетов о русских балах.

В Петербурге бывали разные по своему положению люди — послы при дворе, иностранные дипломаты, художники, ученые, просто обычные путешественники из средних слоев общества. Многие из них оставляли свои записки, в том числе и о балах. Причем, чаще всего рассказы были посвящены Императорским балам — прежде всего в Зимнем дворце. Т. к. попадание на такой бал было, несомненно, Событием, украшавшим путешествие. Кому-то (например, Джакомо Казанове, посетившему маскарад) удавалось потанцевать самому, кому-то (например, англичанке Марте Вильмот и писателю Теофилю Готье) досталась роль зрителей.

Путешественники второй половины XVIII века чаще описывают маскарады, отмечая невероятное разнообразие костюмов и масок:

Бернули (1777 г.) «Многие были в костюмах отдаленных наций Российской империи, и казалось, что свой маскарад они заимствовали из гардероба Академии наук²».

Кокс (1778 г.) «Представители дворянства явились в домино, лица низшего сословия в русских национальных костюмах, несколько приукрашенных... такое разнообразие пестрых фигур, какого не создавала самая причудливая фантазия в маскарадах других стран³».

В XIX веке нам чаще встречаются отчеты о посещении балов (не маскарадов), но при этом разнообразие и богатство костюмов по-прежнему, привлекает внимание почти всех иностранцев:

Виже-Лебрэн (1795) «Я побывала на одном из сих балов и была поражена количеством очаровательных молодых особ. То же самое могу сказать и о прекрасном бале, куда меня приглашала маршалыша Салтыкова и где почти все молодые женщины блистали редкостной красотой. Они были одеты в античные кашемировые туники, расшитые золотой бахромой, по примеру того, что я предложила великой княгине Елизавете...⁴»

Марта Вильмот (1803) «Вообрази это обилие драгоценных камней!.. Однако часто они не выглядят как украшения, подобранные со вкусом, а подобны витрине ювелирной лавки⁵».

Теофиль Готье (1858) «Все это сплошь были военные мундиры, золотые позументы, эполеты, усеянные бриллиантами, орденские планки, знаки отличия, украшенные эмалью и драгоценными камнями и образующие на груди очаги света. Некоторые лица из самых высочайших чинов на входе носят орден почетный, но еще более свидетельствующий о дружеском расположении к ним; портрет царя в оправе из бриллиантов, но таких орденов мало, их можно сосчитать⁶».

Алмира Ван Несс Лотроп (1886) «Напротив нас за проходом располагались первые дамы русской империи. Они, конечно, были прекрасно одеты и все в великолепных драгоценностях, что делало эту группу чрезвычайно блестящей. Офицеры, сановники и дипломаты, все, кроме нас, были в форме. Мундиры весьма красивые, не гнущиеся от золотого шитья, и все, как помню, украшенные орденами, иные были покрыты ими — широкими лентами и орденскими знаками с драгоценными камнями⁷».

Под стать людям были и залы, в которых они танцевали: блеск и богатое убранство, многочисленные яства, роскошные дворцы поражали всех, видевших их и занимали в описаниях значительное место.

Казанова (1765) «Я посылаю за маской, и носильщики посылают меня ко двору, где вижу великое множество людей, танцующих в комнатах, где играли всякие оркестры. Я обхожу комнаты и вижу буфетные, где все, кто желал утолить голод и жажду, пили и ели. Вижу всюду веселье, непринужденность, роскошь, обилие свечей, от коих было светло, как днем, во всех уголках, куда б я не заглядывал...⁸»

Теофиль Готье (1858) «Весь зал походил на жаркое сверкающее пламя, пламенеющее сияние — можно даже подумать о пожаре. Огненные руки тянулись по карнизам, в простенках между окнами торшеры в тысячу свечей горели как неопалимая купина, сотни люстр спускались с потолка словно созвездия, горящие фосфоресцирующим туманом. И все эти огни, скрещивая свои лучи, создавали самую ослепительную иллюминацию, "a giòppo", которая когда-либо зажигала свое солнце над каким-либо праздником⁹».

Алмира Ван Несс Лотроп (1886) «Пальмовый бал был похож на бал, который я описывала, только столовая была более красивая. Пальмы и другие растения были расставлены группами по всей зале, а не на столах. Как только распахнулись двери, и мы вошли, все выглядело так, будто столы расставлены в великолепном саду; из-за большого числа пальм и других растений они едва были заметны. Это определенно самая восхитительная картина, которую я когда-либо видела. Напротив императорского стола под огромным портретом Императора Николая был покатым пласт мха с утонченными цветочными композициями. Повсюду изобилие цветов. Стол, за которым я сидела, находился в укромном уголке или нише из ли-

стве. Электрический свет в больших стеклянных абажурах был превосходен; вы с трудом могли осознать, что это не дневной свет¹⁰».

Впрочем, русские и сами осознали красоту и великолепие своих балов:

Новости и биржевая газета от 25 января 1886:

«Бриллианты, жемчуг и другие камни при феерическом блеске свечей, обливавших колонны громадной Николаевской залы, казались чем-то волшебным. Ни один европейский двор не представляет такого величия и грандиозной роскоши, как русский. Многие дамы были буквально залиты бриллиантами. Нам не раз приходилось слышать от иностранных дипломатов выражение изумления при виде такого громадного количества драгоценных камней¹¹».

Но для исследователя важнее не восхищение великолепием петербургских балов, а те детали, которые можно найти в путевых заметках.

Так, Казанова упоминает, что Екатерина II посещала маскарады инкогнито¹². Виж-Лебрен описывает места для зрителей из высшего общества, с которых наблюдали за балом Екатерина II и ее семья¹³, Франц Габриель де Брэ (1801) рассказывает о запретах, введенных в Петербурге Павлом I: запрете на вальс и запрете военным посещать балы¹⁴; Марта Вильмот не танцует полонез, потому что не все имели право танцевать один танец с императором¹⁵; Теофиль Готье наблюдает за балом с баллюстрады¹⁶. Именно эти мелочи и позволяют достоверно представить петербургский императорский бал.

Однако бал — это, прежде всего, танцы. И здесь записки иностранцев оказываются особенно ценным источником наших сведений. Для России собиране сведений об исторических бальных танцах, рассеянных по различным документам, особенно важно, поскольку в Российской Империи издавалось мало книг, посвященных танцам, умению танцевать. Практически отсутствовали также и распространенные в других странах сборники схем танцев. На данный момент известно всего 6 изданий, увидевших свет с 1790 по 1827 гг. Сведения о более ранних источниках отсутствуют. Позже книги по танцам стали выпускаться чаще, но все равно достаточно обеспеченными источниками можно считать только период с 1860-х по 1910-е гг.

Чаще всего иностранцы описывают русский полонез. Практически не известный в Западных странах, для них он был настоящей экзотикой. Благодаря этому до нас дошли очень интересные описания полонеза XIX века:

Виж-Лебрен (1795): «Танцевали только полонезы, в коих и я приняла тоже участие, сделав тур по залу с молодым князем Бярятинским, после чего села на банкетку, чтобы лучше рассмотреть танцующих¹⁷».

Марта Вильмот (1803): «В первой паре шел император с моей знакомой красавицей Ададуровой, они не танцевали, а именно шли под музыку, выписывая по залу восьмерку, а за ними чинно выступали еще пар

шестьдесят: это было похоже на прогулку, и каждый вельможа прошествовал передо мною несколько раз...^{18»}

Ансело (1826) «По знаку императора [Николая I] начались танцы, но исключительно полонезы. Польский только условно заслуживает название танца, представляя собой прогулку по залам: мужчины предлагают руку дамам, и пары степенно обходят залу и прилегающие к ней комнаты. Эта долгая прогулка дает возможность завязать беседу, однако любой кавалер может менять партнершу, и никто не может отказаться уступить руку своей дамы другому, прервав едва завязавшуюся беседу. Признания, готовые сорваться с уст, замирают, и не однажды, думаю, любовь проклинала это вынужденное непостоянство, сохраняющее для благоразумия сердца, уже готовые с ним проститься^{19»}.

Теофиль Готье (1858) «В России балы при дворе открываются полонезом. Это не танец, а нечто вроде процессии, имеющей свой ярко выраженный особый колорит. Присутствующие теснятся по сторонам, чтобы освободить середину бального зала, где образуется аллея из двух рядов танцующих. Когда все занимают свои места, оркестр играет музыку в величественном и медленном ритме и процессия начинается. Ее ведет император, дающий руку княгине или даме, которой он желает оказать честь... Процессия продвигается, и к ней присоединяются новые пары: какой-нибудь господин отделяется от ряда зрителей, подает руку даме, стоящей напротив, и новая пара пускается в путь, замедляя или убыстряя шаги, в ногу с теми, кто идет впереди.

Наверное, не так-то просто идти, касаясь друг друга лишь кончиками пальцев под огнем тысячи глаз с такой легкостью становящихся ироничными: здесь видны как на ладони самая малая неуклюжесть в движениях, самая легкая неуверенность в ногах, самое неуловимое непопадание в такт. Военная выправка спасает многих, но какая трудность для дам! Однако большинство превосходно выходит из положения, и о многих из них можно сказать "Et vera incessu patuit dea" /Богиню видно по походке/...

Пройти с благородством, изяществом и простотой, когда со всех сторон на вас смотрят! Даже большим актрисам не всегда это удавалось^{20»}

Алмира Ван Несс Лотроп (1886) «Оркестр заиграл полонез из "Жизни за царя", и они сделали тур по залу. Вернувшись, они построились снова. Императрица танцевала со своим сыном, а Император с мадам Аппер, женой французского посла, которая в отсутствие мадам Швейниц является первой дамой дипломатического корпуса. На третий тур Император пригласил леди Мориер, жену британского посла^{21»}.

Другие танцы реже привлекали внимание иностранных путешественников, но и немногие упоминания оказываются подчас крайне ценными. Так, **Казанова** сообщает нам о популярности в России кадрили «Я вожу в зал, где танцуют кадрили, и с удовольствием вижу, что ее танцуют изрядно, на французский манер...»²² (в русских источниках кадрилию

называются театрализованные группы танцующих, и нигде не говорится о распространении в России танцев в квадратном сете). А **Теофиль Готье** — единственный, кто рассказывает нам о популярности в Петербурге танца редова: «Когда в полонезе пройдены были зал и галерея, бал начался. Танцы ничем характерным не отличались: это были кадрили, вальсы, редовы, как в Париже, Лондоне, Мадриде, Вене, повсюду в высшем свете. Исключение, однако, составляет мазурка, которую танцуют в Санкт-Петербурге с невиданным совершенством и элегантностью. Национальный колорит повсюду склоняется к исчезновению, и прежде всего он дезертирует из высших слоев общества. В поисках его нужно отдалиться от центров цивилизации и спуститься в народные глубины!²³»

Неожиданным является то, что, кроме Теофиля Готье никто не оставил отзыва о русской мазурке — одном из самых характерных и самых интересных танцев русских балов, вплоть до наших дней вызывающем восхищение у тех, кто его видит.

Завершить этот краткий обзор хочется цитатой из **Теофиля Готье**, показывающей все чары петербургского императорского бала: «Впрочем картина перед моими глазами была очаровательна: среди огромной расступившейся толпы фигуры танца образовывали симметрии. Вихри вальсов раздували платья, и в быстроте движений бриллианты, серебряное и золотое оружие у мужчин, словно молнии сияют зигзагообразными линиями. Маленькие, затянутые в перчатки руки, положенные на плечи вальсирующих мужчин, имели вид белых камелий в вазах из массивного золота²⁴».

Примечания

¹ Подробнее об этом см.: Sandler E.C. Social dancing in Peter The Great's Russia. Hildesheim. Zürich. New York, 2007. — P. 45–80.

² Елисеева О. И. Бал эпохи Екатерины II как культурно-исторический феномен. // Е. Р. Дашкова в науке и культуре. — М., 2007. — С. 116.

³ Комелева Г. Н. Публичные маскарады в Зимнем дворце в XVIII столетии // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. — СПб, 1993. — С. 23.

⁴ Елисеева О. И. Бал эпохи Екатерины II... С. 96–97.

⁵ Письма Марты Вильмот (1803–1805 гг.) // Екатерина Дашкова. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмот из России. — М., МГУ, 1997. — С. 220.

⁶ Готье Т. Путешествие в Россию. — М., «Мысль», 1988. — С. 118.

⁷ Плешков В. Н. Петербург глазами американцев. Придворные балы и карусель. 1886, 1887 гг. Из писем Алмиры Ван Несс Лотроп. // История Петербурга. — № 6 (10), 2002. — С. 29.

⁸ Елисеева О. И. Бал эпохи Екатерины II... С. 111.

⁹ Готье Т. Путешествие в Россию. С. 116.

¹⁰ Плешков В. Н. Петербург глазами американцев. С. 29–30.

¹¹ Новости и биржевая газета. 25 января. 1886 № 25 с.3, цит. по: Плешков В.Н. Петербург глазами американцев. С. 31.

¹² Елисеева О. И. Бал эпохи Екатерины II ... С. 111.

¹³ Елисеева О. И. Бал эпохи Екатерины II ... С. 96–97.

¹⁴ [Де Брэ Ф. Г.] Записка баварца о России времен императора Павла. (Перевод с французской рукописи). / Сообщ. Е. Шумигорского // Русская старина, 1899. — Т. 99. — № 9. — С. 553.

¹⁵ Елисеева О.И. Бал эпохи Екатерины II ... С. 98; Письма Марты Вильмот (1803–1805 гг.). — С. 220.

¹⁶ Готье Т. Путешествие в Россию. — С. 120.

¹⁷ Елисеева О.И. Бал эпохи Екатерины II... С. 96–97.

¹⁸ Письма Марты Вильмот (1803–1805 гг.). — С. 220.

¹⁹ Ансело Ф. Шесть месяцев в России // Новое литературное обозрение. — М., 2001.

²⁰ Готье Т. Путешествие в Россию. С. 118.

²¹ Плешков В.Н. Петербург глазами американцев. С. 29.

²² Елисеева О.И. Бал эпохи Екатерины II... С. 113.

²³ Готье Т. Путешествие в Россию. С. 119.

²⁴ Готье Т. Путешествие в Россию. С. 120.

